

Я. Р. ДАШԿԵՎԻЧ

ԱՐՄՅԱՆՍԿԻԵ ՕԲԾԵՍՏՎԵՆՆԻԵ ՊԵԿԱԴԻ ՆԱ ՈՒԿՐԱԻՆԵ
(XVI—XVII ՎՎ.)

Как армянская, так и украинская сфрагистика периода позднего средневековья изучена слабо. Предпринимаемые в последнее время на Украине попытки систематического исследования печатей XV—XVIII вв. могут считаться только первым шагом на пути к обобщению огромного, сохранившегося до нашего времени, сфрагистического материала.

Почти совершенно нетронутой областью изучения являются армянские печати, употреблявшиеся в XVI—XVIII вв. в многочисленных армянских колониях купеческо-ремесленного типа, существовавших в городах Крыма, Правобережья, Западной Украины. Исследование различных видов печатей как армянских общественно-культурных учреждений (советов старейшин отдельных общин, братств), так и отдельных лиц (купцов, церковных сановников) становится в настоящее время актуальным в связи с необходимостью активизировать изучение культурных взаимоотношений Украины со странами Востока вообще, а также в связи с более углубленным изучением дружественных связей армянского и украинского народов, в частности.

Значение печатей как своеобразного и, вместе с этим, очень ценного исторического источника общепризнано. Одновременно все более очевидным становится и тот факт, что роль печатей — как источника особого вида, объединяющего в себе органически не только признаки письменного источника (эпиграфические данные печатей), источника символического (эмблематические данные печатей) и иконографического типов, но также и источника, позволяющего судить об уровне производственного развития (печать как изделие ювелирного искусства) — в источниковедении отдельных периодов средневековья различна. Если в источниковедении раннего средневековья печать, во многих случаях отделенная от документа, способна играть роль самостоятельного источника, в источниковедении позднего средневековья, когда печать почти неотделима от письменного источника (юридического акта), она переходит в ранг вспомогательного источника. Удельный вес сфрагистического материала в источниковедении позднего средневековья уменьшается, а основные выводы, получаемые из анализа печатей, сдвигаются заметно в сторону данных историко-культурного и историко-юридического плана.

Армянские печати позднего средневековья, употреблявшиеся на Украине в XVI—XVIII вв., почти полностью относятся к рангу вспомогательного источника. Только единичные из них (на что будет обращено особое внимание) могут раскрыть совершенно неизвестные по другим источникам стороны жизни армянских переселенцев. С другой стороны, роль их для изучения культуры, быта, нравов, юридических институтов, существовавших в армянских колониях, несомненно велика— подробное изучение печатей позволяет раскрыть определенные культурно-исторические процессы, которые при изучении сфрагистического материала становятся особенно рельефными и четко уловимыми.

Миграционные движения армян связаны, в первую очередь, с теми преследованиями, которым подвергалось армянское население как в своей закавказской метрополии (начиная с XI в.— приход турок-сельджуков), так и в тех местах, куда эмигрировало значительное количество армян (Киликия в Малой Азии, Крым, Молдавия, Западная Украина). Древнейшие сведения об армянской колонии в Киеве относятся к XI—XII вв., примерно в это же время возникают экономически мощные колонии в Крыму. В Галицко-Волынском княжестве армяне появились, по-видимому, в XIII в. В XIV в. существовали армянские колонии в таких крупных центрах, как Киев, Львов, Владимир, Луцк, Каменец, Сучава, Серет, Белгород (Аккерман), Сурож (Солдая), Сурхат (Старый Крым), Херсонес. Армяне сумели создать в этих и в ряде других городов (в более позднее время) свои общины, пользовавшиеся определенной автономией в юридическом (собственная более или менее ограниченная судебно-административная организация), религиозном (специфическая церковная организация, подчиненная армянским католикосам в Сисе и Эчмиадзине) и культурном (отдельные школы) отношениях. Армянские колонии на Украине, которые сыграли значительную роль в развитии экономических и культурных связей Украины с Востоком, на протяжении ряда столетий существовали в виде отдельного национального организма, яростно охранявшего свои самобытные духовные традиции.

Эта самобытность армянской культуры на Украине нашла свое отражение также в очень специфической и, казалось бы, довольно узкой области — в области создания и употребления печатей.

В соответствии с поставленной перед собой задачей, автор настоящей статьи пытается сообщить в наиболее сжатой форме как фактический материал о некоторых категориях армянских печатей, так и разрешить отдельные связанные с ним частные вопросы (эмблематика печатей, их правовое значение, связь между печатью и документом в свете данных дипломатики, значение армянских печатей как исторического источника). Данная статья ограничивается тремя категориями печатей, условно названных общественными, а именно печатями органов самоуправления, братств и школ. Вне пределов статьи остаются, таким образом, печати армянских горажан и духовных лиц.

Литература, посвященная истории средневековых армянских колоний на Украине, довольно значительна. Она насчитывает несколько сот научных работ определенной ценности, тем не менее армянским общественным печатям посвящены только отдельные и, по существу, случайные упоминания. Известный исследователь прошлого армянских колоний на Украине, армянский историк С. Баронч (1814—1892) вскользь упомянул только об одной печати — о печати станиславской общины XVII в.¹. Современный польский историк М. Закжевская-Дубасова упоминает о печати замойской общины XVI в. и рассматривает некоторые вопросы, связанные с изготовлением документов, удостоверенных печатью².

Армянские печати из Украины до сих пор очень редко (и то, в большинстве случаев, в неудовлетворительном виде) репродуцировались из оригинальных оттисков. Стоит, однако, упомянуть, что изображение одной армянской печати (каменецкой общины) появилось еще в 70-х гг. XVII в. на плане Каменца-Подольского, изданном в Кракове. Гравер К. Томашевский, возможно, каменецкий армянин, изобразил в левом верхнем углу плана герб Подольского воеводства в окружении печатей трех существовавших в Каменце отдельных юрисдикций: украинской, польской и армянской³. Репродукцию печати, даже для XVII в., нельзя считать вполне удачной — гравер исказил армянскую легенду печати. В связи с переизданием гравюры К. Томашевского несколько слов печати каменецкой армянской общины посвятили русский историк-краевед М. Городецкий (1846—1893)⁴ и украинский историк, видный знаток прошлого Подолии Е. Сецинский (1859—1937)⁵. В 1928 г. польский историк Ч. Хованец (ум. 1967) репродуцировал рисунок печати станиславской общины, к сожалению, очень несовершенный, изготовленный на основании плохо сохранившегося оттиска (рис. 5)⁶.

¹ S. Barącz, Pamiątki miasta Stanisławowa, Lwów, 1858, s. 35.

² M. Zakrzewska-Dubasowa, Organizacja gminy ormiańskiej w Zamościu w XVI—XVII w., „Rocznik Lubelski”, t. 3, 1960, s. 73, 75; i b i d., Ormianie zamojscy i ich rola w wymianie handlowej i kulturalnej między Polską a Wschodem, Lublin, 1965, s. 145, 154, 158, 161.

³ Гравюра считается сейчас большой редкостью. Экземпляр ее находится в кабинете искусств Львовской государственной научной библиотеки Академии наук УССР. Плохие репродукции гравюр (вместе со схематическим изображением печатей) см.: K. Gorski, Wojna Rzeczypospolitej Polskiej z Turcją w latach 1672 i 1673-im, „Biblioteka Warszawska”, ser. 5, 1890, t. 1, zes. 2, s. 170—171; „Подolia. Историческое описание”, изд. П. Н. Батюшковым, СПб., 1891, стр. 14—15; Е. Сецинский, Город Каменец-Подольский. Историческое описание, К., 1895, стр. 40—41; І. П. Крип'якевич, Богдан Хмельницкий, Київ, 1954, вкладной лист между стр. 144—145.

⁴ М. И. Городецкий, Общий вид города Каменец-Подольска во второй половине XVII в. и в настоящее время, кн. Подоля..., с. 56.

⁵ Е. Сецинский, цит. соч., с. 40.

⁶ Cz. Chowaniec, Ormianie w Stanisławowie w XVII i XVIII w., Stanisławów, 1928, s. [64].

Этим и исчерпываются, насколько нам известно, упоминания в литературе об армянских общественных печатях на Украине.

В настоящее время главной базой изучения армянских общественных печатей из Украины является оригиналный и копийный документальный материал XVI—XVIII вв., удостоверенный печатями, который хранится в Центральном государственном историческом архиве УССР во Львове и в рукописном отделе Львовской государственной научной библиотеки Академии наук УССР. Оттиски армянских печатей в сургуче и бумаге находятся на документах, в основном, четырех архивных фондов: львовского армяно-польского суда XVI—XVIII вв.⁷, львовского армяно-католического архиепископства XVII—XVIII вв.⁸ и львовского армяно-католического архиепископства XVII—XVIII вв.⁹. Сфрагистические материалы этих фондов положены в основу настоящей статьи. Изучение других архивных и библиотечных фондов Украины дало отрицательные результаты, что, конечно, не исключает возможности дальнейших случайных находок. Часть документальных материалов армянских общин Львова и Станислава в XVIII—XX вв. попала также в другие коллекции (в первую очередь необходимо иметь в виду рукописные отделы Библиотеки Национального института им. Оссолинских во Вроцлаве, Библиотеки Национального музея — отделения Чарторыских — в Кракове, Библиотеки мхитаристов в Вене и Венеции), которые только частично изучались со сфрагистической точки зрения. Предпринятые нами поиски сфрагистического материала во Вроцлаве и Кракове дали скучные результаты. Архивные материалы других армянских общин, существовавших в Крыму, а также в Киеве, Луцке, Язловце и других городах почти полностью погибли¹⁰ и особых надежд на обнаружение принципиально нового сфрагистического материала, особенно XIII—XV вв., нет. Поиски оригинальных матриц армянских печатей, предпринятые в украинских музеях и архивах, не принесли никаких результатов. Таким образом, основной базой исследования остаются оттиски печатей XVI—XVIII вв., обнаруженные в львовских коллекциях.

Архивный материал использовался также в другой плоскости. В качестве вспомогательного источника привлекались упоминания о печатях, сохранившиеся в документах XVI—XVIII вв. Очень важными для оценки роли печатей как юридического института, определения их названий являются упоминания печатей в дипломатических формулах документов (в коррорационном отделе так называемого контекста¹¹

⁷ Центральный государственный исторический архив УССР во Львове (в дальнейшем — ЦГИА УССР во Львове), ф. 52, оп. 3, т. 513—555.

⁸ Там же, ф. 475.

⁹ Львовская государственная научная библиотека Академии наук УССР (в дальнейшем — ЛГНБ АН УССР), отд. рукописей, ф. Оссолинских.

¹⁰ В Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве хранятся остатки архива каменецкой армянской общины — сфрагистический материал в ней отсутствует. Остатки архива замойской армянской общины находятся в Государственном воеводском архиве в Люблине — в этом фонде также нет оттисков печатей.

¹¹ Термин «контекст» употребляется здесь в дипломатическом смысле, т. е. для обозначения основной части документа, следующей после вступительного протокола.

документа), которые и привлечены нами для исследования. Удалось обнаружить также имеющие отношение к употреблению и хранению печатей упоминания в средневековых законодательных актах украинских армян. Весь этот разнообразный материал разрешает с определенной полнотой осветить также историко-культурные и историко-юридические вопросы, связанные с историей употребления армянских печатей на Украине.

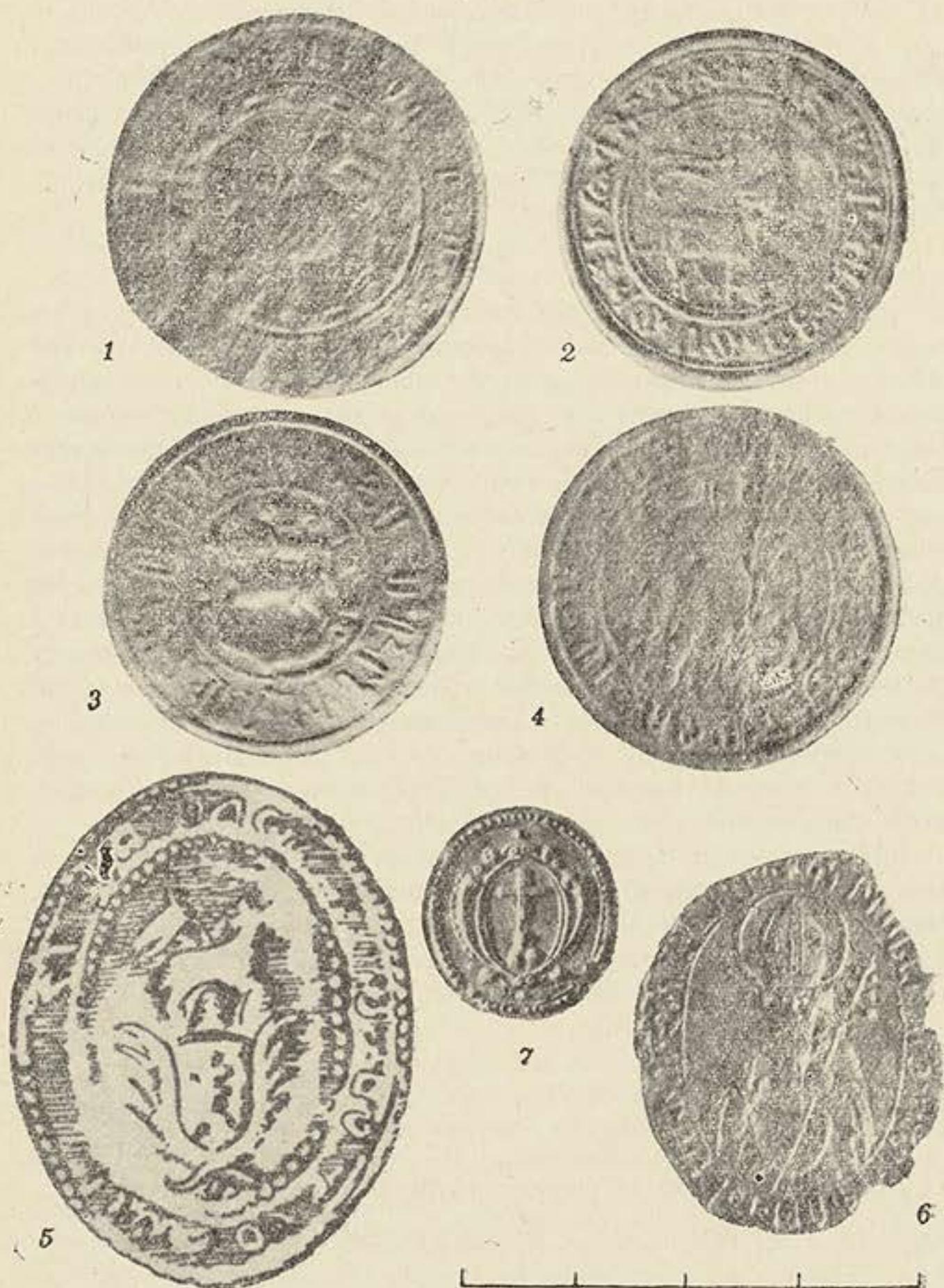
* * *

Несомненно, что уже в первые десятилетия существования армянских колоний на Украине печать вошла в практику армянского общественного, а в дальнейшем и частного делопроизводства, хотя и изображения древнейших печатей не дошли до наших времен. Самые ранние упоминания об армянских печатях относятся к XIV в. К древнейшим известным армянским документам, составленным на Украине, привешивались вислые, по-видимому, восковые печати. К составленной в 1398 г. в Каменце дарственной грамоте Синана, передававшего построенную им же церковь в пользование местной армянской общины, была прикреплена вислая печать, от которой в то время, когда грамота попала в орбиту научных исследований, остался только кусочек шнура¹². По-видимому, подобного вида печать была прикреплена также к дарственной грамоте Акоба, сына Шахиншаха (передававшего построенную им же церковь львовской армянской общине), составленной во Львове в 1363 г., оригинал которой, однако, также не сохранился до наших дней. Грамоты не имели коррaborационных формул¹³.

Довольно рано, по-видимому, в местном армянском делопроизводстве наметился отход от восточных традиций, согласно которым печать обычно заменяла подпись — т. е. печать являлась более важным элементом документа, чем подпись. В первой половине XVI в. совершенно точно определяется влияние западной делопроизводственной традиции,

¹² Грамота находилась до второй мировой войны в рукописном отделе Национальной библиотеки в Варшаве и погибла во время войны. Факсимиле грамоты (вместе с фрагментом шнура) опубликовано дважды, см. F. Müller, Zwei armenische Inschriften aus Galizien und die Gründungsurkunde der armenischen Kirche in Kamens-Podolsk, „Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kais. Akademie der Wissenschaften“, Bd. 135, Wien, 1897, Taf. II; Ա. Ալշան, Կամենցի Տարբեգությունների և պատմական համաշխայք յաւրականություն, Վենեսուս, 1896, էջ 133.

¹³ Грамота в первой половине XIX в. хранилась в архиве львовского армянокатолического капитула. Публикацию оригинального армянского текста грамоты см.: Ա. Բժշկեան, Հանուպարբորգութիւն՝ ի Ենական և յայլ կողմանու ընակեալու ՚ի Յայկազանց սերելու ՚ի նախնեաց Անի բազարին, Վենեսուս, 1830, էջ 104—105. В публикации М. Бжшкянца, а также в публикациях латинского, польского и немецкого переводов этой грамоты наличие печати не упоминается. Однако в записанном в рукописи ЛГНБ АН УССР, ф. Оссолинских, № II 1722, с. 5, польском переводе, выполненном на основании оригинала грамоты в первой половине XVIII в., отмечается наличие печати при оригинале. В дальнейшем печать, конечно, была утеряна.

Армянские общественные печати на Украине.

в соответствии с которой печать употреблялась наряду с подписью для удостоверения подлинности документа или даже наличие печати не являлось обязательным, а подпись сохраняла превалирующее — по отношению к печати — значение.

Двойственность культурной традиции — восточной в оформлении печати (восточная эмблематика, армянский шрифт легенд) и западной в ее употреблении — определяется в армянской сфрагистике на Украине вплоть до первой половины XVII в., т. е. до того момента, когда западное влияние окончательно взяло верх также в оформлении печатей.

Древнейшие из сохранившихся до нашего времени оттиски армянских общественных печатей — печати львовской, каменецкой, киевской общин (сравни рис. 1—3) построены как композиционное единство восточных элементов: восточная древнехристианская символика, характерная для традиций армянской церкви (пасхальный агнец) и надпись в легенде на ашхарабаре. В этом плане, как нам кажется, не должно дезориентировать употребление в легендах слова *միբ*, позаимствованного из персидского, которое встречается на печатях львовской, киевской, каменецкой и замойской общин (сравни рис. 1—4). На украинской территории слово *միբ* употреблялось в средневековье наряду с исконно армянским *կիբ* — например, на печати львовского братства св. Григория (сравни рис. 6). Слово *միբ*, с различными фонетическими вариантами вошло в армянский разговорный и деловой язык и не воспринималось в нем как инородное.

* * *

С точки зрения классификации армянских общественных печатей на Украине наиболее удобным кажется нам распределение всего материала по следующим группам:

- I. Печати органов самоуправления,
- II. Печати братств,
- III. Печати школ.

В пределах этих групп дается описание печатей со ссылкой на соответствующий рисунок, а также определенный реальный комментарий.

I. Печати органов самоуправления

Армянские общины, существовавшие во многих украинских городах, пользовались правом ограниченной административно-судебной автономии, видимым носителем которой был обычно совет старейшин, осуществлявший судебную и административную власть по отношению к своим соплеменникам. Советы старейшин, возглавляемые войтами, существовали в ряде городов Украины — в Киеве, Каменце, Львове, Станиславе, Замостье, Снятыне, Язловце, Рашкове, Могилеве-Подольском, Студенице, Серете, Сучаве, Подгайцах, Тысменице, Бережанах, Золочеве, Бродах. Так как с выполнением административных и судебных функций этими органами было связано соответствующее делопро-

изводство, в советах, по-видимому, с момента их создания, существовали печати, являвшиеся видимым символом их автономного существования и атрибутом власти. Печати советов старейшин, несомненно, существовали во всех городах, в которых действовали органы армянского самоуправления, однако до нашего времени дошли изображения только нескольких из них (отиски печатей киевского, львовского, каменецкого, замойского и станиславского советов).

1. **Киев.** Агнец, обращенный (по-геральдически) вправо, с ореолом вокруг головы, держит в левой передней лапе древко с крестообразным окончанием и знаменем. Вокруг изображения толстый орнаментированный ободок и второй двойной ободок. В легенде надпись армянскими буквами:

+ԱՅՍ Ե ՄՈՀՐԻ ՄԱԿՐԻՐԱՐԻ ՏԱՅՈՒՏՐԻՑ

т. е. «Это печать старейшин Киева». Вокруг снова двойной ободок. Круглая. Диаметр 34 мм. Рис. 1. Бумажно-восковый оттиск, воск красный.

Хранение: ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 179, с. 564 (на документе 1648 г.)¹⁴; там же, т. 546, с. 1233 (1664 г.); ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1657, с. 31 (1681 г.); там же, с. 54 (1693 г.); там же, с. 56 (1727 г.); там же, № II 1656, с. 20 (1730 г.); там же, № 11 1702, с. 50 (1702 г.); там же, ф. Дидушицких, № 117, с. 45 (1671 г.); там же, с. 48 (1686 г.); там же, с. 52, 87 (1692 г.); там же, с. 86 (1702 г.); там же, с. 94, 95 (1703 г.); там же, с. 96 (1706 г.); там же, с. 99, 104 (1708 г.); там же, с. 107, 110 (1709 г.); там же, с. 112, 116 (1711 г.); там же, с. 118 (1712 г.); там же, с. 130, 138 (1713 г.).

Характерной и даже курьезной чертой употребления этой, несомненно, киевской печати¹⁵ является то, что ее оттиск сохранился исключительно на документах, составленных во Львове (на заверенных выписях из книг львовского армяно-польского суда). С точки зрения средневековой юриспруденции, подобное употребление печати, несомненно, незаконно (к документам приложена несоответствующая печать)

¹⁴ При указании места хранения оттисков сообщается дата записи в книге, которую необходимо воспринимать как *terminus post quem*, т. е. как срок, после которого могла быть проставлена удостоверяющая документ печать. В тех случаях, когда год действительно обозначает дату изготовления документа, т. е. дату составления оригинала, а не изготовления заверенной печатью копии, перед обозначением года проставлена звездочка, например, * 1612 г.

¹⁵ В легенде название «Киев» дается в тюркском (кыпчакском) варианте «Манкерман». В связи с вопросом об идентификации Киева и Манкермана сравни: O. Pritsak, Eine altsische Bezeichnung für Kiew, „Der Islam“, Bd. 32, Berlin, 1955, N. 1, s. 1—13; Л. С. Хачикян, Новые материалы о древней армянской колонии Киева, в сб., Исторические связи и дружба украинского и армянского народов*, Ереван, 1961, с. 110—120; Ph. Lozinski, L'origine prakrite du nom de la ville Kiev. Les implications des données historiques des sources arabes, „Etudes slaves et est-européennes“, vol. 8, Montreal, 1963, fasc. 1—2, p. 3—16.

и обесценивает сам документ. Тем не менее, по-видимому, в связи с тем, что печать воспринималась как львовская, а не киевская, все удостоенные этой печатью львовские документы считались подлинными.

Другая особенность печати — то, что она — единственное дошедшее до наших времен свидетельство существования армянского совета старейшин в Киеве. Хотя армянская колония в Киеве являлась одной из древнейших¹⁶ и в одно время была значительным центром армянской жизни, о чем свидетельствует хотя бы и то, что в 1371—1378 гг. упоминается киевское армянское епископство¹⁷, тем не менее до сих пор не удалось найти никаких следов существования армянского совета старейшин в Киеве. Обнаруженная сейчас печать — единственное свидетельство существования в Киеве органов армянского самоуправления.

Каким образом киевская печать попала во Львов и почему употреблялась, по существу, в качестве печати львовского совета старейшин? Ответ на этот вопрос необходимо, по-видимому, искать в том, что в 1622 г. киевская армянская община, в связи со своей немногочисленностью, перешла в формальное, закрепленное соответствующим юридическим актом, подчинение львовскому совету старейшин¹⁸. Тогда же, можно считать, и был передан львовскому совету видимый атрибут власти киевского совета старейшин — его печать.

Во Львове киевская печать употреблялась в тех же самых случаях, что и львовская (см. ниже), т. е. для удостоверения выписей из книг армянского духовного суда и армяно-польского суда. В коррекционной формуле ее называли, как и львовскую печать, „sigillum honoratum iudicium nationis Armenicae Leopoliensis“ [„печать уважаемых судей львовской армянской нации“]¹⁹, а также „sigillum iudicij Armenicalis Leopoliensis“ [„печать львовского армянского суда“]²⁰, „sigillum iudicij civilis Armenicalis Leopoliensis“ [„печать львовского армянского гражданского суда“]²¹ — в тех случаях, когда удостоверялись выписи из книг армяно-польского суда или же „zwykla pieczęć urzędu duchownego“ [„обыкновенная печать духовного присутствия“]²² — в тех случаях, когда удостоверялись выписи из книг армянского духовного суда.

Время изготовления печати неизвестно. Сравнение с оттисками печатей других советов старейшин (каменецкого, львовского и даже за-

¹⁶ Первые упоминания об армянах в Киеве сохранились в «Киево-печерском патерике» (сравни Д. Абрамович, Киево-печерский патерик, Киев, 1930, с. 128—132).

¹⁷ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam Illustrantia, ed. A. Theiner, vol. 1, Romae, 1860, p. 665.

¹⁸ См. Я. Ф. Головацкий, Выписи с книг городских воеводства киевского, «Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете», т. 2, М., 1846, № 2, стр. 51—52.

¹⁹ ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Дидушицких, № 117, лл. 45, 48, 86, 87, 91, 95, 96, 99, 104, 107, 110 (1671—1709 гг.). Термин «нация» употреблялся в средневековом Львове в значении «община».

²⁰ Там же, лл. 116, 118, 130, 138 (1711—1713 гг.).

²¹ Там же, ф. Оссолинских, № II, 1657, л. 56 (1727 г.).

²² Там же, л. 54 (1693 г.).

мойского) разрешает, однако, сделать вывод, что киевская печать, рисунок которой более тонкий и изящный, изготовлена позже. К этому выводу приводит также эпиграфический анализ надписей легенд — начертания букв львовской и каменецкой печатей более архаичны, чем киевской. Употреблялась печать во Львове, по-видимому, наряду с собственно львовской печатью, до момента прекращения существования отдельного армянского административно-судебного органа в 1784 г.

2. Каменец. Агнец с ореолом вокруг головы. Фигура агнца обращена влево, голова повернута вправо. Фигура агнца перекрывает расположение вертикально древко со знаменем, разделенным на три части. Вокруг изображения двойной ободок. В легенде надпись армянскими буквами:

+ ԱԱ. Է Մ[Ո]ՀՐ ՀՈՅ[Ո]Յ Գ[Ա]Տ[Ա]ՅՈՍ[Ա]Ւ
Ի Թ[ՈՒՒ] Հ[ՈՅՈՅ] ՀՈՅ[Ո]Յ ՀՈՅ

т. е. «Это печать армянского суда. Армянский год 999»²³. Вокруг надписи двойной ободок. Рис. 2. Круглая. Диаметр 30 мм. Бумажно-восковый отиск, воск зеленый.

Хранение: ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 897, л. 1 (1657 г.).

Единственный известный отиск сохранился на выписи из книг каменецкого армянского суда.

Армянская колония в Каменце-Подольском известна с конца XIV в. Древнейшее упоминание об армяно-григорианской парофии в Каменце относится к 1390 г.²⁴, самое раннее упоминание об армянском войте — к 1496 г.²⁵ К этому времени, несомненно, существовала соответствующая печать, оттиск которой, однако, не дошел до нашего времени. В 1549—1550 гг., т. е. в 999 г. армянского летосчисления, была изготовлена данная печать, которая употреблялась, по-видимому, до момента ликвидации армянского административно-судебного самоуправления, действовавшего в Каменце по 1787 г. (с перерывом в 1672—1701 гг., когда Каменец находился под турецкой оккупацией).

3. Львов. Агнец, обращенный фигурой вправо с головой, повернутой влево. Фигура агнца расположена на стилизованном вырезном (германском) щите. Вокруг щита ободок. В легенде надпись армянскими буквами:

+ ԱՅՈ Է : ՄՈՀՐ Օ ԻՇՎ ՏԱՅՈՒՏԵՐՈՅ

т. е. «Это печать львовских старейшин». Вокруг ободок. Рис. 3. Круг-

²³ В связи с расшифровкой и переводом легенд печатей, описанных под № 2, 4, 6, автор статьи вел переписку с проф. Г. Петровичем (Рим), проф. Е. Служкевичем (Торунь), д-ром Э. Трыярским (Варшава), академиком АН Арм. ССР Л. Хачикяном (Ереван). Мнения указанных ученых учтены при интерпретации легенд. За все присланые по этому поводу письменные соображения автор приносит сердечную благодарность.

²⁴ См. Ղ. Ալիքսեան, цит. сочинение, стр. 8 (кондак католикоса Теодороса II).

²⁵ A. Przezdziecki, Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów, t. 1, Wilno, 1841, s. 149 (грамота польского короля Яна Ольбрахта).

лая. Диаметр 31 мм. Бумажно-восковый оттиск; воск зеленый или красный.

Хранение: ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 136, л. 420 (без года); там же, оп. 3, т. 546, с. 1194 (1583 г.); там же, т. 545, с. 47 (1600 г.); там же, с. 93 (1610 г.); там же, оп. 1, д. 136, л. 269 (1610 г.); там же, оп. 3, т. 545, с. 115 (1611 г.); ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1656, л. 67 (* 1615 г.); ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, д. 317, л. 79 (1616 г.); там же, оп. 1, д. 136, л. 426 (1617 г.); там же, л. 227 (1618 г.); там же, оп. 3, т. 545, с. 375 (1622 г.); там же, с. 370 (1630 г.); там же, т. 546, с. 1069 (1635 г.); там же, т. 182, с. 1020 (1638 г.); там же, оп. 1, д. 894, л. 2 (1641 г.); там же, оп. 3, т. 545, с. 401, 407 (1642 г.); там же, оп. 1, д. 284, л. 5 (1644 г.); там же, оп. 3, т. 545, с. 535 (1649 г.); там же, т. 546, с. 211 (1651 г.); там же, с. 302 (1652 г.); ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1658, с. 35 (1653 г.); там же, ф. Баворовских № II 1660, с. 8 (1654 г.); ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 546, с. 65, 606 (1656 г.); там же, т. 548, с. 183 (1672 г.); там же, т. 548, с. 435 (1679 г.); там же, с. 697 (* 1681 г.); там же, с. 952 (1682 г.); там же, с. 1000 (1683 г.); там же, с. 1675 (1686 г.); там же, с. 1597 (1686 г.); ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1657, с. 109 (* 1733 г.); там же, с. 122 (* 1736 г.); там же, № II 1655, л. 8, 12 (1749 г.).

Существование армянской колонии во Львове в XIII в. не подлежит сомнению, хотя сведения об этом встречаются только три—четыре столетия спустя, у историков XVII в. И. Альпека и Б. Зиморовича²⁶. Правда, с определенной дозой вероятности можно считать, что сведения о найденной во Львове надгробной плите, датированной 1277 г., соответствуют действительности²⁷. Тогда уже (в XIII в.), по-видимому, существовало армянское самоуправление, юридический статус которого, после оккупации Львова Польшей, был подтвержден польским королем Казимиром III в 1356 г.²⁸. Тогда и была изготовлена древнейшая печать львовского совета старейшин, возглавляемого войтом; была ли это также самая, которая употреблялась в XVI—XVIII вв. — неизвестно. Архичность рисунка и надписи печати свидетельствуют о ее древности. Наличие вырезного (германского) щита не противоречит этому, так как во Львове сильное западное культурное влияние отмечалось еще во времена Галицко-Волынского княжества. В 1469 г. польские власти ликвидировали пост армянского войта, возглавляемый им суд был подчинен польскому городскому войту, и, таким образом, армянский суд превратился в смешанное армяно-польское учреждение. Все это при-

²⁶ См. S. Rachwał, Jan Alpnek i jego „Opis miasta Lwowa”, z początku XVII w., Lwów, 1930, s. 10; J. B. Zimorowisz, Pisma do dziejów Lwowa, odnoszące się. Lwów, 1899, s. 41, 43, 59. Ср. также И. П. Крипякевич, К вопросу о начале армянской колонии во Львове («Պատմա-բանափրական հանգես»), Երևան, 1963, № 1, էջ 163—171.

²⁷ См. Ա. Թօդրայ, Ժամանակագրութիւն կամ տարեկանք եկեղեցականք, Վիեննա, 1964, էջ 136.

²⁸ „Akta grodzkie i ziemskie”, t. 3, Lwów, 1872, s. 14.

вело к девальвации значения армянской печати — в тех случаях, когда изготавливались выписи из книг армяно-польского суда, их нужно было удостоверять двумя печатями: печатью львовского городского войта, т. е. печатью возглавляемой им лавы, — на первом месте, и печатью армянского совета старейшин — на втором. Соответствующим образом составлялась корроборационная формула, которая включала название обеих печатей, например: „in quorum fidem sigilla honoratorum domini advocati et seniorum Armenorum praesentibus sunt appressa“ [„для удостоверения этого настоящим прикладываются печати уважаемых господина войта и армянских старейшин“]²⁹ или же „in cuius rei fidem sigilla officii advocatialis et nobilium ac honoratorum dominorum seniorum nationis Armenae Leopoliensis sunt impressa“ [„для удостоверения этого прикладываются печати войтовского присутствия и благородных и уважаемых господ старейшин львовской армянской нации“]³⁰. Девальвация значения печати армянского совета старейшин нашла отражение также в составленном в 1604 г. своеобразном львовском армянском процессуальном кодексе, в котором в статье 64 говорится, что документы, направляемые в порядке апелляции в высшую инстанцию, должны быть заверены двумя печатями — львовского войта и армянских старейшин³¹. В тех случаях, когда печать старейшин употреблялась в функции печати армяно-польского суда, она упоминалась в корроборационной формуле как „pieczęć prawa ormiańskiego lwowskiego“ [„печать львовского армянского права“]³² или же „sigillum iudicij civilis Armenicalis Leopoliensis“ [„печать львовского гражданского армянского суда“]³³. В процессуальном кодексе 1604 г. печать носит название „pieczęć panow starszych ormiańskich“ [„печать господ армянских старейшин“] и „pieczęć ormiańskiego prawa“ [„печать армянского права“]³⁴.

Роль и значение печати в общине выступает очень рельефно во время внутренней борьбы во львовской армянской колонии, возникшей в связи с вопросом о принятии церковной унии с Римом. Власть в совете старейшин захватили различные группировки, которые и пытались прибрать к своим рукам печать как атрибут власти. Итак, из заявления старейшин Григория Дер Лукашовича и Ивана Ватрисовича от 3 мая 1645 г. мы узнаем, что противостоящие им другие старейшины, захватившие власть в совете «в первую очередь [...] забрали реестры, акты, печати и депозиты людей. Хотя печать, в соответствии с древним обыч-

²⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 545, с. 47 (1600 г.). Почти идентичные формулы там же, с. 93, 115, 370, 401, 407 (1610—1642 гг.), д. 136, л. 227, 269 (1610—1618 гг.) и др.

³⁰ Там же, ф. 52, оп. 3, т. 548, с. 697 (1681 г.). Почти идентичная формула там же, с. 1000 (1683 г.).

³¹ См. О. „alze“. Porządek sądów i sędziów prawa ormiańskiego z r. 1604, Lwów, 1912, s. 48.

³² ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 136, л. 420 (без года).

³³ ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II, 1655, л. 8, 9 (1749).

³⁴ О. „Zatycz.“ . . . s. 48—49, 54.

чаем, полагалась старейшему из старейшин, они отдали ее Ивашку Стефановичу, который даже не хочет принести присяги как старейшина. Они имеют без разрешения всех старейшин общественную печать в своих руках и заносят в реестры и армянские духовные акты все, что хотят; приказывают делать из них выписки — полномочия, обязательства, денежные подтверждения, письма и другие патенты. [Они] выдают их от имени общины и старейшин и скрепляют печатью, [а также] берут взаймы на общину. Употребляют акты, печати и общественные письма в соответствии со своим желанием, не имея никакого разрешения от других»³⁵.

Некоторое повышение значения печати отмечается в 70-х гг. XVII в., в период, когда вследствие протекционистской политики польского короля Яна III немного расширились экономические и административные права львовских армян — для бумажно-восковых оттисков печатей начинает употребляться взамен зеленого красный воск³⁶.

Протоколы заседаний львовского совета старейшин, которые дошли до нашего времени, дают материал для довольно подробного рассмотрения вопроса о том, каким образом хранилась печать совета. В соответствии с распределением функций в совете, хранителями печатей избиралось ежегодно два члена совета, возможно, действительно старейшие по возрасту, причем в протоколах избрания совета их имена следовали сразу за именами ереспоханов (директоров) общины. Это, конечно, говорит о важности занимаемого хранителями печатей поста. Хранителей называли «старейшинами для публичной печати» или просто «для печати» („do pieczęci publicznej“, „do pieczęci“)³⁷. У первого из них хранился ящик с двумя печатями, у второго — ключи от этого же ящика³⁸. Хранители печатей менялись довольно часто. Все они были представителями армянского патрициата — наиболее зажиточной верхушки колонии.

Печать львовского совета старейшин употреблялась также для удостоверения документов других армянских учреждений Львова.

После ликвидации армянского войтовства во Львове в 1469 г. сохранил свое существование совет старейшин, который фактически воз-

³⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 57, с. 1100—1101. Опубликовано в сб.: «Украинско-армянские связи в XVII веке». Сост. Я. Р. Дацкевич, Киев, 1969, стр. 92—93. Печати упоминаются во множественном числе, так как, по-видимому, жалобщники имели в виду львовскую и киевскую (см. описание № 1) печати.

³⁶ О том, что употребление воска определенного цвета не было пустой формальностью, свидетельствуют выписи из книг, удостоверенные двумя печатями — львовского городского войта и армянского совета старейшин, причем оттиск первой изготавливался в бумаге, прикрепленной красным, а второй — зеленым воском (например, ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 546, с. 65).

³⁷ ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II, 1723, лл. 5, 12, 19, 25, 36, 43, 72, 82 и др. (записи за 1669—1684 гг.). Сравни также Я. Р. Дацкевич, Армянское самоуправление во Львове в 60—80-х гг. XVII в. (Протоколы армянского совета старейшин как исторический источник), «Вանքի Աշխենազարդի», № 9, 1969, էջ 220.

³⁸ Там же, № 1723, лл. 72, 93 (1677 и 1680 гг.).

главил так называемый ереспохан, т. е. руководитель армянской церковной общины. Возглавляемый им совет выполнял различные административные (не судебные) функции в пределах общины. Документы совета старейшин также удостоверялись публикуемой печатью. В этих случаях (в корроборационной формуле, а также просто в документах) печать упоминалась под разнообразными названиями: «sigillum seniorum Armenorum Leopoliensis» [„печать львовских армянских старейшин“]³⁹, „paczęt publiczna nostrae nationis“ [„наша общественная печать нашей нации“]⁴⁰, „pieczęt rezydencji pascji ormianskiej lwowskiej“ [„печать резиденции львовской армянской нации“]⁴¹, „sigillum resideniae iudicium nationis Armenae Leopoliensis“ [„печать резиденции судей львовской армянской нации“]⁴², „sigillum nationis Armenae Leopoliensis“ [„печать львовской армянской нации“]⁴³, „sigillum residentiae nostrae“ [„печать нашей резиденции“]⁴⁴, или же „sigillum nostrum“ [«наша печать»]⁴⁵. Функции печати совета старейшин она выполняла, по-видимому, вплоть до 1784 г., т. е. до момента ликвидации совета.

Публикуемая львовская печать употреблялась еще в третьей функции — для удостоверения документов львовского армянского духовного суда, существовавшего при армянском епископстве. Корроборационная формула при изготовлении выписей из книг этого суда применялась очень редко — и то только начиная со второй половины XVII в. В тех редких случаях, когда была проставлена корроборационная формула, печать называли: „urzedu duchownego zwykła pieczęć“ [«обыкновенная печать духовного присутствия»]⁴⁶ или просто „ zwykła pieczęć“ [«обыкновенная печать»]⁴⁷. Последние случаи употребления печати старейшин в роли печати духовного суда относятся к 80-ым гг. XVII в.

Употребление термина «обыкновенная печать» может вызвать предположение, что во Львове, кроме публикуемой, существовала еще другая «необыкновенная», «особая» (т. е., по общеупотребляемой терминологии, «большая») печать. Термин «обыкновенная печать» употребляется однако только на документах духовного суда и то только в тех случаях, когда для удостоверения документов этого учреждения употреблялись также печати львовских армяно-католических архиепископов. Поэтому более обоснованным кажется нам предположение, что под другой (т. е. «большой») печатью необходимо понимать большую пе-

³⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 513, с. 592 (1540 г.). Это вообще древнейшее упоминание о печати львовских старейшин.

⁴⁰ ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № 1724, с. 44 (1696).

⁴¹ Там же, № 1725, л. 4 (1719 г.).

⁴² Там же, л. 7 (1719 г.).

⁴³ Там же, № II 1727, с. 664 (1731 г.); № II 1627, л. 104 (1733 г.).

⁴⁴ Там же, № 1657, л. 109 (1733 г.).

⁴⁵ Там же, л. 122 (1736 г.).

⁴⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, т. 548, с. 952 (1682 г.).

⁴⁷ Там же, т. 548, с. 1675 (1686 г.).

чать архиепископов. По крайней мере, какие-либо конкретные следы существования во Львове другой печати совета старейшин более высокого ранга, кроме описанной выше № 1 киевской печати, употребляемой во Львове, до сих пор обнаружить не удалось.

4. Замостье. Св. Иоанн Креститель, справа от него овальный щит с гербом «Елиса»⁴⁸, слева — агнец с головой, повернутой вправо. Вокруг изображения ободок. В легенде надпись армянскими буквами (читается с трудом):

+ԱՅՍԻ Է Մ[Ո]ՀՐ ԶԱԼՈՎԱ[Յ]Ի ՀԱՅՈՅ ԿԱՍԱՏԻՆԻ

т. е. «Это печать армянского суда Замостья». Вокруг легенды ободок. Рис. 4. Круглая. Диаметр 33 мм. Бумажно-восковый оттиск, воск красный.

Единственный известный оттиск этой печати сохранился на выписи из книг замойского армянского суда (см. ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 285, л. 3, 1654 г.).

Армянская колония в Замостье возникла в 1585 г. В 1589 г. в Замостье, согласно привилегии польского коронного великого гетмана Яна Замойского, собственностью которого являлся город, было создано армянское войтовство, которое, также в соответствии с указанной привилегией, получило право на собственную печать с изображением св. Иоанна Крестителя⁴⁹.

Из документов известно, что армянский войт имел в своем распоряжении две печати — железную и серебряную. Эти две печати указаны в инвентаре 1636 г.⁵⁰ Железная (в других источниках — стальная)⁵¹ печать иначе называлась «обыкновенной»⁵². Учитывая характер документа, удостоверенного опубликованной выше печатью, можно считать, что рис. 4 соответствует матрице «обыкновенной» (железной или стальной) печати. Оттиск серебряной печати пока не обнаружен.

Печати замойского армянского войтовства употреблялись вплоть до его ликвидации в 1730 г.

5. Станислав. Из сообщения С. Баронча известно, что печать станиславского совета старейшин изображала «агица со знаменем, который стоит на книге, перед книгой герб «Пилива», в легенде армянская надпись»⁵³.

⁴⁸ «Елиса» — герб польских магнатов Замойских, собственностью которых являлось Замостье. Герб изображал три копья, расположенные звездообразно; среднее копье железом вниз, боковые — железками вверх, скрещенные наискось.

⁴⁹ См. *Zakrzewska-Dubasowa, Otmianie zamojskie...*, s. 267.

⁵⁰ Государственный воеводский архив в Люблине, ф. Замойские армянские акты, т. I, л. 95. Сравни *M. Zakrzewska-Dubasowa, Otmianie zamojskie...*, s. 158.

⁵¹ Государственный воеводский архив в Люблине, ф. Замойские армянские акты, т. I, л. 66.

⁵² Там же, т. 6, л. 58.

⁵³ *S. Barącz, Pamiątka...*, s. 35. «Пилива» — герб польских магнатов Потоцких, собственностью которых являлся Станислав. Герб изображал тройной крест без правого нижнего конца.

Этому описанию противоречит изображение очень плохо оттиснутого экземпляра печати, опубликованного Ч. Хованцем. На рисунке Ч. Хованца изображен агнец, обращенный фигурой влево. Фигура агнца перекрывает расположенные косо древко со знаменем, развернутым вправо. Агнец стоит на квадратном с закруглением внизу щите с гербом «Пилява». По сторонам щита пальмовые ветви, скрещенные под щитом. Пунктирный ободок. Легенда армянскими буквами не поддается прочтению. Рис. 5. Овальная⁵⁴.

И С. Баронч и Ч. Хованец не сообщили, где хранились оттиски печатей. Вполне возможно, что существовали две различные печати — старая и новая; в настоящее время, однако, нет возможности решить этот вопрос.

Нам удалось разыскать один-единственный и, вместе с этим, неудовлетворительный оттиск печати, соответствующий по всем признакам публикации Ч. Хованца. На данном экземпляре изображение совершенно нечеткое. Вокруг изображения пунктирный ободок. Легенда армянскими буквами в верху печати начинается с +. Пунктирный и линейный ободки. Овальная. Размер 40×47 мм. Бумажно-клеевой оттиск.

Хранение: Библиотека Национального института им. Оссолинских во Вроцлаве, отдел рукописей, № 1361 II, с. 467 (* 1727 г.).

Этот оттиск сохранился на документе, изданном советом старейшин без корроборационной формулы.

Печать, по-видимому, употреблялась вплоть до ликвидации армянского войтовства в 1788 г.

II. Печати братств

В связи с тем, что армянские общины на Украине имели собственные органы самоуправления, которые более или менее эффективно защищали политические и культурные права армянского меньшинства, общественная роль армянских братств отличалась от той роли, которую братства играли в жизни украинского народа. Братства существовали повсюду там, где действовали армянские приходы, создавали небольшие ссудные кассы типа ломбардов, которые сыграли положительную роль в борьбе с ростовщичеством. Сохранились сведения о значительном количестве армянских братств на Западной Украине в XVII—XVIII вв., однако только в одном-единственном случае дошел до нашего времени оттиск братской печати.

6. Львовское братство св. Григория. Св. Григорий в фас, в церковном облачении и ореолом вокруг головы, благословляет правой рукой и держит патерицу в левой руке. Вокруг изображения — ободок. В легенде надпись армянскими буквами:

+ԿԵՐՈՒ ԵՂԲԱՐՅ Ս[Ր]Բ[ՈՅ] ԳՐԻԳՈՐ ԼՈՒՌԻՈԶԻ.

ԼՈՎ. Ք[Ա]Ր[Ա]Ք

⁵⁴ См. Cz. Chowaniec, цит. работа, с. [64].

т. е. «Печать братства святого Григория Просветителя города Львова». Вокруг легенды ободок. Рис. 6. Овальная. Размер 27×34 мм. Сургучный оттиск, сургуч красный.

Хранение: ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1658, л. 66 (* 1745 г.).

Братство св. Григория (официальное название на польском языке „Bractwo Męki Pańskie pod tytułem ojca i patriarcha naszego Grzegorza Świętego“, т. е. „Братство страстей господних имени нашего отца и патриарха святого Григория“⁵⁵) было основано во Львове в 1640 г.⁵⁶. Возможно, что к этому времени относится также изготовление его печати, именуемой в корроборационной формуле „pieczęć nasza bracka“ [«наша братская печать»]⁵⁷.

С искусствоведческой точки зрения печать братства св. Григория — настоящий шедевр, блестящий образец армянского ювелирного искусства, процветавшего в средние века на Украине. Реалистическое изображение католикоса, с глазами, сосредоточенно всматривающимися в зрителя, с прядью волос на челе, изящно переданные подробности церковного одеяния (складки, декор) — свидетельство высокого мастерства неизвестного создателя печати. Печать братства св. Григория, — несомненно, наиболее художественное произведение из всех известных нам армянских печатей, гравированных на Украине.

Единственный найденный оттиск печати сохранился на денежном обязательстве, выданном за подписями руководителей («провизоров») братства.

Оттиски печатей других братств неизвестны.

Некоторые аналогии дают, правда, основание считать, что на печати львовского братства св. Троицы было изображение св. Троицы — по крайней мере эта эмблема братства имеется в суперэкслибрисе, тисненом на переплете книги закладов братства за 1731—1751 гг.⁵⁸

III. Печати школ

На Украине, в ряде армянских колоний, существовали армянские школы приходского типа (сведения о них относятся к XVI—XVIII вв.). В 1664 г. во Львове начала действовать армянская школа высшего типа — коллегия, основанная папской миссией ордена театинцев для армянского населения Украины и сопредельных стран (Польши, Молдавии; официальное название коллегии „Collegium pontificum Leopoliensis Armenorum“, т. е. „Львовская папская армянская коллегия“). В 1701 г. в коллегию начали поступать также украинцы — в это время

⁵⁵ ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1657, л. 66.

⁵⁶ Об истории львовских армянских братств см. B. Janusz, „Mons pius“ Ormian Iwowskich, Lwów, 1928.

⁵⁷ ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1657, л. 66.

⁵⁸ Библиотека Национального института им. Оссолинских во Вроцлаве, отд. рукописей, № 1758 II. Между печатью львовских старейшин и эмблемой, изображенной в суперэкслибрисе совета старейшин, имеется подобная аналогия: и там, и здесь изображен пасхальный агнец (сравни суперэкслибрис на судебнике львовских армян, там же, № 1916 II).

учебное заведение получило новое название „Collegium pontificum Leopolensis Armenis atque Ruthenis“ [„Львовская папская армяно-украинская коллегия“]. Это учебное заведение просуществовало до 1784 г. Сохранились оттиски печати коллегии начала XVIII в.

7. Львовская армяно-украинская коллегия. Крест и под ним три шара, расположенные треугольником, на овальном щите⁵⁹. Вокруг щита декорация барочного типа, двойной ободок (линейный и пунктирный). Надписи нет. Рис. 7. Овальная. Размер 16×17 мм. Сургучный оттиск, сургуч красный (1704, 1711 гг.); бумажно-восковый оттиск, воск красный (1715 г.).

Хранение: ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, д. 587, с. 155 (* 1704 г.); там же, оп. 1, д. 762, л. 42 (два оттиска * 1711 г.); ЛГНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1656, л. 42 (* 1715 г.).

Некоторое удивление вызывает отсутствие легенды на печати, которая, по существу, напоминает больше частную перстневую печать, чем официальную печать учреждения. Тем не менее, имеются все основания для того, чтобы считать публикуемую печатью печатью коллегии. В 1704 г. префектом коллегии был Себастьян Аккорси, в 1711 и 1715 г.— Стефано Тромбетти; подписи их имеются на обоих указанных выше документах, удостоверенных одной и той же печатью⁶⁰. В том случае, если бы репродуцированная печать была частной печатью префекта, изображения печатей в 1704 и 1711—1715 гг. были бы, несомненно, разные.

* * *

Изучение созданных на Украине армянских печатей раскрывает почти совершенно неизвестные стороны как армянской, так и украинской сфрагистики, заслуживающие пристального рассмотрения как с историко-культурной и историко-юридической, так и с источниковой точек зрения. Изучение армянских сфрагистических памятников заслуживает углубления и продолжения⁶¹. В этом плане особый интерес представляют печати, изготовленные в соответствии с восточными традициями.

Армянские печати из Украины XVI—XVII вв. являются также ценным источником для изучения геральдики, истории искусства. Исследование армянских сфрагистических памятников одновременно с данными дипломатики (корроборационные формулы документов) расширяет наши знания из области истории средневекового государства и права Украины, такой ее области, как история учреждений в частности, а также того раздела дипломатики, который занимается историей

⁵⁹ Возможно, что изображение печати имеет определенное отношение к эмблемам ордена театинцев. В доступной нам литературе найти ответ на этот вопрос не удалось.

⁶⁰ Для установления хронологии префектов коллегии см. E. Tryjarski, Ze studiów nad rękopisami i dialektem kipczackim Ormian polskich, „Rocznik Orientalistyczny“, t. 24, Warszawa, 1960, zesz. 1, s. 45.

⁶¹ Автор настоящей статьи готовит также сообщения, посвященные армянским частным печатям (печатям горожан и церковных сановников).

средневековой канцелярии и делопроизводства. Дальнейшее изучение армянских средневековых печатей из Украины расширит, несомненно, наши представления о культурных взаимосвязях Армении и Украины.

ՀԱՅՈՍՏԱՆԻ ԴԱՎԴԻԿԻՐԾ

(Lund)

ՈՒԿՐԱԻՆԱՅԻ ՀԱՅՈՑ ՀԱՍՏՐԱԿԱԿԱՆ ՀԱՍՏԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ԿԱՂՔՆԵՐԸ (XVI—XVIII դդ.)

(U, if $\psi_1 \vdash \psi_2$ and $\psi_2 \vdash \psi_3$)

Ուշ միջնադարի հայկական կոնֆոները բավարար շափով ուսումնասիր-ված չեն, չնայած որպես հույժ հետաքրքրական և կարևոր սկզբնաղբյուրներ արժանի են հատուկ ուշագրության:

Հեղինակն ուսումնասիրել և նկարագրել է XVI—XVIII դարերի 7 հայկական կնիքներ, որոնք պատկանում են Կիկի (Մանքերման) և Լվովի տանուտերերի-ավագների խորհրդին, Կամենեցի, Զամոստյեի և Ստանիսլավի դատարաններին, ինչպես և Լվովի հայ-ուկրաինական կոլեգիայի բարձրագույն դրաբանցին։ Այդ կնիքների 67 դրոշմները հեղինակը հայտնաբերել է Լվովի և Վրոցլավի հնագարանների և զրագարանների հավաքածուներում։

Պատմա-իրավաբանական ազգություններից քաղված նյութերը հնարավորություն են տալիս դիտելու ուսումնասիրվող կնիքների արժեքն ու նշանակությունը, Ռւկրանինայի հայ ինքնավար համայնքների համակարգում, Կնիքներն ուշադրության արժանի են նաև որպես հայ ոսկերչական արվեստի հուշարձաններ:

Ya. R. DACHKEVITCH

(Lvov)

LES SCEAUX DES INSTITUTIONS PUBLIQUES ARMÉNIENNES D'UKRAINE

(Résumé)

Les sceaux arméniens de l'époque avancée du Moyen Age n'ont pas fait l'objet d'une étude approfondie, bien qu'ils soient dignes d'une attention particulière en tant que sources fort intéressantes et importantes.

L'auteur a étudié et décrit 7 sceaux arméniens du XVI-XVIII siècles qui appartiennent au Conseil des maires des villages de Kiev (Mankerman) et de Lvov, aux tribunaux de Kamenetz, de Zamostié et de Stanislav, ainsi qu'à l'Ecole Supérieure du Collège arméno-ukrainien de Lvov. 67 empreintes de ces sceaux ont été découvertes par l'auteur dans les archives et les bibliothèques de Lvov et de Vrotslav.

Les matériaux recueillis de sources historiques et juridiques permettent de juger de la valeur et de l'importance des sceaux étudiés dans le système des communes arméniennes autonomes de l'Ukraine. Ces sceaux présentent également un grand intérêt en tant que spécimens de l'orfèvrerie arménienne.